

Пускай ты будешь / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Пускай ты будешь / рассказ ПУСКАЙ ТЫ БУДЕШЬ

Очень хорошо! Сидя на толчке в поздней ночи, на не своей даче, в обществе прогрессивно настроенных комаров, явственнее некуда услышать в себе:

Не хочу...

И повторять это «не хочу», обратно посвящая себя вороху прошлогоднего запаха одеял.

И, упавая в не добродившее в венах лето, шелестеть:

– Доктор, так нельзя жить...

Доктор беседовать не желает. Я его притомила. Он возится у колодца, о чем-то поругивается... Сейчас, я знаю, он пойдет ещё закрывать теплицы, проверять свой мемориал – гараж, сарай и, якобы душ, пару раз долбанётся головой о развешенные в сарае велосипеды, стукнется о верстак, скоренько перекурит.

Потом принесёт мне горсть почти безжизненной такой малины, сыплет мне в рот, словно предпоследнюю пищу в нашей жизни.

Утром он посадит меня, неспортивную, к себе за спину на самый легенький вид транспорта – спортивный велосипед – и быстро повезёт по своим адресам.

Добытчик. Доктор – это мечта.

Два метра белокурой, астенически худой мечты. Хирург-кардиолог. Способность: уговорить остаться. Ощущение: свежестыранного белья, ресниц...

Убеждён, что у дистиллированной воды запах Средиземного моря.

Пригородным электрическим поездом мы предусмотрительно не пользуемся, – там я захочу холодного баночного пива, утреннюю газету, кофе с кардамоном, музыкальное сопровождение собственному безумию...

«Родилась я за два месяца до срока, определённого природой, у совершенно юной мамы, только-только с большим напряжением

окончившей среднюю школу, и откровенно недоумевающей, что ей с этим благоприобретением делать. Просто как-то никому не нужен был этот ребёночек. Дед со стыда запил.

Бабка у себя на продовольственном складе с утра до ночи пропадает, чтоб писков этих не слышать. Огород горит. Кошка окотилась ночью в ребёнкином корыте. В платье ни в одно барышня уже не помещается.

А из города свёкр несостоявшийся едет, Иван Иванович называется, неплохой в сущности человек, военный медик в отставке. Коммунист опять же. У которого срам оболтуса Валерика, сына, то есть, которому со дня на день в армию идти /на аккордеоне играть/, и своя такая «прицеп» в доме есть – не успеешь от одного посрамления передохнуть, принесёт в ученическом переднике...

Кое-как уговорил он маменьку «девушкой» в дом к ним пойти на жительство, с помощью по хозяйству... Пока сын служит, надо понимать. Да, чтобы мнение общественное как-то успокоить.

Спасу ведь нет от языков недобрых.

И тут зашевелиться бы девочке, радуясь выделенному «углу», челноком бы в хозяйстве завертеться, задобрить да залюбить благодетелей своих, – но лето ведь, Лето!

Во весь рост трав, цветов и деревьев.

И тоска. И молодость вся в этой тоске.

И пропала куда-то девочка, растворилась...

Говорили – с «шапито» укатила, говорили –

без «шапито»...

Доктор спешивается у придорожного кафе. Прикуривает и закашливается. Глаза, что вчера ещё такими промытыми-промытыми были,

тусклые, неясные...

– Может, не поедешь? – тише шепота спрашивает. – Гроза будет.

– Будет-будет, – отвечаю, – всё порвётся внутри, истерзается...

– и в сторону смотрю. – Лечу я, Серёжа!

– Ладно, пошли уж, – шелестит Доктор и за ухо достаёт из заднего кармана джинсов несолидного вида портмоне...

Господи! Ну, почему во всякой затрапезной распивочной этот из без того высокохудожественный акт вандализма кто-нибудь музыкально сопровождает?..

— Нам сто граммов водки, — очень солидно басит, — и сто граммов барбарисовой карамели. — Отчего-то теряется, трёт переносицу и поджигает губы. Злится, видимо. Я выпиваю, закусываю. Доктор курит.

На Быково самолёт пошел...

В Петропавловске-Камчатском — полночь... И мне не на что лететь в другой конец страны хоронить мать, с которой я совершенно недавно была знакома в общей сложности два года и несколько месяцев.

Доктор гладит меня по голове, целует в висок. Добытчик. Два метра...

Сто граммов водки как-то незаметно рассредотачивают по закоулкам души остающийся пока открытым вопрос о финансировании моего вояжа ...

Когда же отпустит? Отпустит... Отпустит...

«Север, где служил Любимый, девушку, понятное дело, не ждал. Да и Дама сердца там уже у Валерика имелась, то ли из воинской канцелярии, то ли из поселковой самодеятельности... И отослал он её, ограничившись кратким выступлением в сторону железнодорожной насыпи, додумывать мысль — как же жить дальше...

На этом самом полустанке, бесхозную и бескопеечную, подобрал её, грешную, молодой русский лесоруб Ваня, внимательно всю эту историю, так зовущую к состраданию, выслушав, крепким словом неизвестно кого огрев, и кофточку, бывшую в употреблении, с себя продавать запретив.

Отзвенели бубенцами, оттопали свадебку, да и зажили молодые, постепенно привыкая к моему несуществованию... »

За большим аэровокзальным стеклом столбы ливня. Похоже на орган. Ничего никуда не летит. Тем более, что эти паразиты, набирающие «борт» и день и два — они полупустые не летают, у них коммерция.

Люди сидят сутками, рассматривают орган. Холодно.
Некуда деться.
Некуда не смотреть.

Я сижу на рюкзаке и пью теплое отечественное пиво.

– Знаешь, – вдруг говорю, – я ведь и косолапая-то в неё, и «слепая». – Закашливаюсь.

Доктор удивляется мне, словно новой. Он устал и хочет спать, уже не хочет ни курить, ни целоваться.

– Когда ты вернёшься, – улыбается, – мы сразу же займёмся производством «косолапых».

И, понимая, что говорит не то, зарывается мне в колени.

«Меня удочерили. Его родители.

Я ношу отчество деда и его фамилию. Мне дали музыкальное образование и запустили астматический бронхит. В 13 лет я принесла первую зарплату из областного драматического театра за минутное появление и недетский вопль «Маричка вмерла!», в 14 похоронила «брата» Валерия /де юре – брата/, в 15 ознакомилась с государственной тайной моего рождения, в 17 уехала с «шапито»...

– Любимый...

– Любимая...

Меня наконец-то коммерчески улетают. Вечер.

Всё порвалось внутри, истерзалось.

– Не пей много, – советует Доктор. И опять целует, целует.

– Там вода плохая...

Крестит на прощанье. «Господи, сделай так, чтоб она вернулась!»

Отпустит, когда же отпустит...

– Господи! Ты меня отпускаешь или наказываешь?

В воздухе так хочется почувствовать у губ твою ладонь.

И горсть пыльной, безжизненной такой малины. Nekeyalar